

Фотография: RFE/RL Current Time

БЕЛАРУСЬ

"Это кто?" – "БЧБ". Власти Беларуси преследуют людей за протесты шестилетней давности – и делают невыносимой жизнь бывших политзаключенных

меньше минуты назад

Кристина Закурдаева [Настоящее время](#)

Общественную деятельницу из белорусского города Гродно Валентину Наумову [приговорили](#) к семи годам лишения свободы по обвинениям в "содействии экстремистской деятельности" и "разжигании иной социальной вражды". Лидера группы Brutto одного из основателей группы "Ляпис Трубецкой" Сергея Михалка заочно [приговорили](#) к четырем годам лишения свободы за "публичное оскорбление" Александра Лукашенко. Политзаключенные Глеб Герасимович и Александр

Милькаманович [получили](#) по шесть лет лишения свободы по обвинениям в "участии в экстремистском формировании".

Все эти приговоры были вынесены в июле и августе 2026 года. Спустя шесть лет после подавления массовых протестов в Беларуси репрессии в отношении критиков власти не останавливаются. Списки политзаключенных регулярно пополняются, каждый месяц – на несколько десятков.

Настоящее Время рассказывает, почему о репрессиях в Беларуси становится меньше информации, как продолжают преследовать без срока давности и как дискриминируют тех, кто вышел из тюрьмы.

Тысячи "экстремистов". Репрессии не заканчиваются

Шесть лет назад в Беларуси начались массовые протесты из-за сфальсифицированных выборов в пользу Александра Лукашенко. Власти ответили на них показательной жестокостью: избиениями на улицах, суровыми приговорами, пытками в местах заключения, массовыми увольнениями несогласных, лишениями профессиональных лицензий.

Хотя на свободу выходят бывшие политзаключенные, включая лидеров протестов, репрессии в отношении критиков власти продолжают. Людей до сих пор преследуют за участие в протестах, за посты в соцсетях, за то, что они состояли в чатах или носили на себе бело-красно-белую символику, за антивоенную деятельность. Одним из крупнейших дел последних лет стало дело мониторингового проекта "Беларускі Гаюн", который отслеживал передвижения российских и белорусских войск на территории Беларуси. По нему [проходит](#) не менее 120 человек.

Протесты против официальных результатов выборов президента Беларуси. Минск, 16 августа 2020 года

Власти преследуют и родственников политзаключенных, уже сидящих за решеткой или уехавших после освобождения. Так, в прошлом году брата осужденного журналиста Радио Свобода Игоря Лосика – Никиту – [приговорили](#) к трем годам "химии" по обвинению в в "пособничестве экстремистской деятельности". После объявления приговора (но до вступления в силу) ему удалось покинуть страну.

Как рассказал в интервью Настоящему Времени юрист правозащитного центра "Вясна" Павел Сапелко, преследование и репрессии стали носить более скрытый характер, а механизмы давления властей становятся более сложными.

"Если сравнивать с 2020 годом, то, конечно же, репрессии переместились практически исключительно в сторону уголовного преследования внутри государства. Частично сохраняется высокий уровень административного преследования – за совершение правонарушений, так называемых мелких преступлений, за которые можно наказать штрафом или краткосрочным административным арестом. И в этом смысле это сильно отличается от ситуации конца, середины и конца 2020 года, потому что там были прямые столкновения протестующих и сторонников режима, защитников режима, которые сопровождались применением пыток, избиений", – рассказывает Сапелко.

Участники "Марша мира и независимости" в Минске перед заграждением с силовиками, 30 августа 2020

В преддверии шестой годовщины с начала массовых протестов в центре [выпустили доклад](#) о том, как эти репрессии выглядят сегодня. Судебные процессы по уголовным статьям становятся закрытыми, даже официальные данные достать становится все труднее. Правозащитники отмечают, что не все решения судов публикуются в открытых базах, как и статистика по "экстремистским" статьям, по которым судят многих политзаключенных.

Ассоциация бывших политзаключенных ["Da Voli"](#) также сообщала, что из-за закрытости системы становится труднее обнаруживать политические дела, а следовательно помогать и вести международную адвокацию за освобождение людей.

Некоторых осужденных по политическим делам власти добавляют в список "экстремистов и террористов". В правозащитном центре "Вясна" замечают нестыковки в данных и неправомерность внесения некоторых людей в этот перечень даже в условиях репрессий. По их данным, с 2020 года по политическим статьям были осуждены почти 8,5 тыс. человек. В официальном перечне экстремистов – около 6,7 тыс. человек.

"Конечно, было бы хорошо, если бы этот список давал нам все имена потерпевших от преследований властей, которые мы не всегда можем найти. Но это [недостаток

информации], скажем, нормальная цена за то, что человек не будет внесен в этот список и не будет заклеен этим статусом экстремиста", – говорит Сапелко.

Uladz Hrydzin (RFE/RL)

Силовики готовятся разгонять протестующих после объявления результатов выборов в Беларуси. 9 августа 2020 года

Еще одно несоответствие – в список попадают не все известные правозащитникам осужденные по "экстремистским" статьям. Или, например, только часть фигурантов одного и того же дела вне зависимости от того, признали ли их виновными. Однако Павел Сапелко подчеркивает, что в списке находятся и люди, осужденные по административным статьям, и те, в отношении кого нет обвинительного приговора, и освобожденные от наказания.

"История с внесением людей, которые не были осуждены, тогда как вносить можно только именно осужденных (в их отношении есть обвинительный приговор) – вот это, конечно, просто поразительное нахальство режима", – говорит Сапелко.

Тех, кто находится в списке "экстремистов и террористов", власти значительно ограничивают в правах. В 2023 году в Беларуси [внесли](#) поправки в закон, которые позволили лишать гражданства осужденных за "экстремизм" и "терроризм". Хотя известно о лишь нескольких подобных случаях, это не исключает, что статья будет применяться в будущем.

Желтые бирки, пытки и режим инкоммуникадо. Что происходит в тюрьмах

В первые дни и месяцы протестов 2020-го силовики избивали и пытали участников акций. Это происходило прямо на улицах, в изоляторах и тюрьмах. Отмечалась особая жестокость, с которой это насилие применяли сотрудники силовых структур. Спустя шесть лет о насилии в отношении политически преследуемых людей известно гораздо меньше.

Как отмечает Павел Сапелко, пытки политзаключенных в местах лишения свободы продолжаются. Но если раньше люди рассказывали о пережитом публично или правозащитникам, то сейчас пострадавшие предпочитают молчать – они боятся сделать еще хуже.

Следы побоев на теле мужчин, которых избили сотрудники ОМОНа во время задержания на акции протеста. 14 августа 2020 года

"Люди после того, как они испытывают на себе пытки при расследовании дел, сообщают об этом правозащитникам не всегда, а если сообщают, то под очень большим секретом, с твердым требованием не предавать эти факты огласке", – говорит Сапелко.

Одним из видов пыток в отношении политзаключенных называют и применение так называемого режима инкоммунадо – когда заключенных держат без связи с внешним миром, родственниками, адвокатами, им не передают письма и запрещают свидания, предусмотренные законом. Некоторые политзаключенные провели в этом режиме от нескольких месяцев до нескольких лет. Среди них были Николай Статкевич, Сергей Тихановский, Мария Колесникова, Виктор Бабарико, Игорь Лосик, Полина Шарендо-Панасюк и другие.

СМОТРИТЕ ТАКЖЕ:

"У меня ноги отбиты, у кого-то глаза, у кого-то почки". Жители Минска рассказали о пытках в изоляторах

Эти действия болезненно сказываются не только на самих политзаключенных, которые находятся в почти полной изоляции, но и на их близких. Об этом [говорила](#) в День воли в 2025 году и лидер демократических сил в изгнании Светлана Тихановская, которая несколько лет не знала ничего о судьбе своего осужденного супруга Сергея Тихановского:

"И мы – их родные, близкие – живем в полной неизвестности: живы ли они вообще? Я уже не знаю, что отвечать моей дочери на вопрос: когда папа вернется. Я отвечаю, что вернется, молюсь за это и работаю над этим".

Политик Франак Вячорка тогда говорил Настоящему Времени, что с помощью режима инкоммунадо власти Беларуси хотят заставить политзаключенных отказаться от своих принципов.

"Это унижение, через которое заставляют пройти политзаключенных, доставляет какое-то удовольствие режиму. Именно у Лукашенко это какая-то фишка, – говорит он. – Ему надо, чтобы человек унизился. Это инкоммунадо – наказание для тех, кто отказывается унижаться и отказывается играть по правилам лукашенковского режима".

Освободившиеся политзаключенные или их родственники сообщают, что в колониях к осужденным по политическим статьям особое отношение со стороны администрации. Как [рассказывал](#) бывший политзаключенный и журналист Радио Свобода Олег Груздилович, репрессированных заставляли носить на тюремной форме желтые бирки.

"Она обозначает то, что я склонен к экстремизму и другой деструктивной деятельности, – вспоминал Груздилович. – Заключенным желтая бирка несет много дополнительных бытовых и организационных проблем. Ты должен быть все время на виду, в первых

рядах в колонии. Ты не можешь один передвигаться по колонии по каким-то своим надобностям. Твоя кровать на проходе, а там всегда открыто окно, сквозняк, тебе холодно. Когда ты ходишь с биркой, к тебе дополнительно прицепятся, что ты пуговицу не застегнул, плохо рубашку надел. Ко мне так цеплялись, и мне грозило ШИЗО".

Журналистки "Белсата" Дарья Чульцова (слева) и Катерина Андреева во время суда. В 2021 году обеих приговорили к двум годам колонии за стрим с "Площади перемен". В 2022 году Андреевой дали еще восемь лет и три месяца колонии по обвинениям в госизмене

Другой политзаключенный блогер Дмитрий Козлов ("Серый кот") был осужден на шесть лет колонии усиленного режима по обвинениям в "подготовке к участию в массовых беспорядках". После своего освобождения он [рассказывал](#) Настоящему Времени, что из-за политического статуса в колонии ему отказывали в посещении церкви:

"По отношению к "экстремистам", "10-му профучету" происходит серьезная правовая дискриминация. Это можно сравнить с тем, что Гитлер делал во время Второй мировой войны с евреями. Это особые условия: тебе на робу нашивают некий особый знак, который показывает твое положение. И это ограничения – по письмам, ограничение, что ты не можешь где-то учиться в ПТУ, ты даже не можешь церковь посещать! Несмотря на то, что висят в отрядах листы о том, что по УИКу разрешена свобода вероисповедания, тебе говорят: ты не можешь записаться и в церковь пойти, потому что у тебя 10-й профучет".

"Маргинализация людей". Жизнь после освобождения

Еще один элемент репрессий, который выделяют в центре "Вясна", – это множество преград в поисках работы для тех, кто был осужден по политическим мотивам и вышел на свободу, или был уволен за свою позицию.

"Другие виды репрессий типа увольнения, отчисления из учебных заведений – они уже прошли свой пик, – говорит Павел Сапелко. – Если мы тогда говорили об увольнениях или де-факто увольнениях, расторжениях договоров якобы по соглашению сторон и так далее, то сейчас мы говорим о маргинализации этих людей, о невозможности вернуть прежнее социальное, профессиональное положение. Об этом можно судить с трудом, потому что все это происходит в достаточно скрытом режиме".

Даже освобождаясь некоторые бывшие политзаключенные попадают под так называемый превентивный надзор. Так произошло с бывшим силовиком Сергеем Коршуном, который отсидел четыре года по 342 статье – "Организация и подготовка действий, грубо нарушающих общественный порядок". Как Коршун [рассказывал](#) Настоящему Времени, ему присвоили статус "террориста", что сделало его жизнь "невыносимой":

"После освобождения я пошел в свой банк, хотел снять деньги, чтобы жить. В банке мне ответили, что счета заблокированы, ничего выдать не могут. Также мне нельзя открыть банковскую карточку. А без этого на работу не устроиться, – говорил он. – Прихожу как-то отмечаться в милицию, а меня без предупреждения отправляют на принудительные работы – убирать листья в парке с алкоголиками. Приходит довольный милиционер: "Я договорился, вас всех устроим в "Зеленстрой". Меня сотрудница спрашивает: "Вы согласны?" Я: "Конечно! Но у меня один вопрос: деньги наличными вы сможете выдавать?" Женщина смотрит на милиционера – мол, кто это? Тот: "Он БЧБ". Она: "Ты что, хочешь, чтобы меня уволили?!" В Беларуси есть негласная установка: осужденных по политическим статьям нельзя оформлять на госпредприятия".

"Площадь перемен" Траурная церемония в память о минчанине Романе Бондаренко, который умер после задержания и жестокого избиения силовиками. 12 ноября 2020 года

Вместе с этим ему было необходимо регулярно отмечаться в милицейском участке, ему было запрещено покидать не только Беларусь, но и Минск, нельзя без согласования посещать массовые мероприятия.

Другой правозащитник "Вясны" Леонид Судаленко, который был осужден на три года по менее тяжким пунктам 342-й статьи, также попал под превентивный надзор, хотя в его случае по закону этого не предполагалось. Судаленко приходилось выполнять и другие условия:

"Еженедельно по воскресеньям я был обязан являться в инспекцию на профилактические мероприятия, например, на просмотр патриотических фильмов, – говорил он. – Ежедневно по два раза ко мне домой в любое время суток являлись сотрудники инспекции и под запись включенного видеорегистратора вынуждали подписываться в документе о местонахождении".

СМОТРИТЕ ТАКЖЕ:

"Я должен был открыть дверь и держать в руках паспорт". Как политзаключенные в Беларуси сидят под домашним арестом

Без паспорта, без защиты, без возможности вернуться на родину. Как живут белорусы в изгнании

"Когда видишь [ребенка только] по ту сторону экрана... Это очень тяжело, – бывшая политзаключенная Елена Мовшук рассказывает о своих разговорах с 10-летней дочерью. – Она мне буськи (поцелуи – прим. НВ) дает, я ей буськи даю... Я говорю: "Я тебя, доченька, очень люблю. Хочу тебя, доченька, обнять, как я хочу с тобой побыть". Она говорит: "Так заberi меня". Я говорю: "Не могу забрать, стараемся".

Елена и ее муж Сергей – бывшие политзаключенные. До 2020 года они воспитывали пятерых детей. За участие в протестах их приговорили к лишению свободы, Елену также лишили родительских прав. В тюрьме супруги провели более пяти лет. В результате переговоров США и Беларуси пару освободили 12 февраля 2025 года и фактически [депортировали из страны](#). Но в Беларуси остались их двое несовершеннолетних детей, которых из-за новых ограничений они не могут забрать к себе.

Участники шествия в День воли в Вильнюсе, Литве. 25 марта 2026 года

В 2023 году Александр Лукашенко [издал](#) указ, который запретил получать в консульствах заграничный паспорт, оформлять доверенности и получать справки. Также сотрудники консульств [получили](#) возможность на месте изымать документы граждан Беларуси.

"Это, конечно, совершенно противоправно, совершенно произвольно, хотя бы потому что это противоречит белорусскому гражданскому кодексу", – говорит правозащитник Павел Сапелко.

Некоторые бывшие политзаключенные, которых власти депортировали из Беларуси, [рассказали](#), что при выдворении им отказались отдать их паспорта, а вместо них выдали лишь справки на листе А4.

"Ощущение такое, что тебя взяли и выбросили или взяли и поменяли, как мешок с мукой или мешок с кофе, поменяли на что-то. Вот ощущение такое. Нет ощущения законности от того, что происходит", – [рассказывал](#) в интервью Настоящему Времени после своего освобождения и депортации Нобелевский лауреат и правозащитник Алесь Беляцкий. На момент освобождения он отбывал 10-летний срок по обвинениям в финансировании протестов.

Справка, удостоверяющая личность бывшей политзаключенной Галины Дербыш, выданная вместо изъятого паспорта во время высылки из Беларуси. Дербыш отбывала 20-летний срок по обвинению в "попытке захвата власти". Она позволила переночевать в своем доме фигурантам "дела Автуховича"

белорусам в международной защите – якобы из-за того, что сроки давности по самой популярной статье, по которой судят протестующих, истекли, а Лукашенко публично миловал осужденных. Но правозащитники настаивают, что даже официально это не спасает людей от потенциального преследования.

"Когда [миграционные власти] говорят о том, что по 342 статье истекли сроки привлечения к уголовной ответственности, то они должны понимать, что в отношении непонятного количества людей эти дела возбуждены, этим людям заочно предъявлены обвинения, эти люди объявлены в розыск. И для них уже не текут никакие сроки давности привлечения. Эти люди могут даже не знать, что они находятся в розыске, то есть все остается вот на такой случай. Я всем говорю это сравнение – про футбол на минном поле. Можно теоретически сыграть, но можно взорваться и положить все вокруг себя", – говорит Сапелко.

Как рассказывали НВ граждане страны и правозащитники, при пересечении границы людей часто допрашивают, проверяют их телефоны и соцсети. Иногда это приводило к тому, что на людей заводили новые уголовные дела или арестовывали по уже

Хотя в некоторых европейских странах белорусам выдают так называемые паспорта иностранцев, невозможность получить документы значительно усложняет жизнь, а иногда лишает людей легального права оставаться за границей. Фактически граждане Беларуси становятся апатридами, говорит Павел Сапелко:

"Находясь за пределами Беларуси, может быть, приятно ощущать себя гражданином Беларуси, но никаких признаков того, что этот человек является гражданином, по сути, не остается. У него нет ни поддержки государства, ни защиты государства. И иногда уже не остается даже и подтверждения принадлежности к этому государству".

Из-за угрозы политического преследования участники протестных акций, которые покинули страну, не могут вернуться на родину, чтобы продлить или сделать новые документы.

Более того, даже с документами белорусы оказываются в уязвимом положении. Например, власти Польши уже несколько раз [отказывали](#)

заведенным. Среди последних известных – [дело](#) экс-сотрудника КГБ, который приехал в Беларусь в апреле 2026 года, спустя несколько лет эмиграции. Его обвинили в госизмене и арестовали.

Более того, сам Лукашенко [заявлял](#), что власти не должны допустить возвращения бывших политзаключенных в страну.

СМОТРИТЕ ТАКЖЕ:

Безопасно ли возвращаться в Беларусь по истечении срока давности "за протесты"? Что говорят юристы и те, кто уехал, чтобы не сесть

"Прямой путь к потере профессии". Давление на адвокатов

Вдобавок к перечисленному те, кого преследуют по политическим делам, часто не могут получить юридическую помощь в условиях репрессий и давления властей. По [данным](#) Международной обсерватории "Юристы в опасности" (OIAD), более сотни юристов и правозащитников в Беларуси были лишены лицензий по политическим мотивам. Общее число адвокатов в период с 2020-го по 2025 год сократилось почти на 30% – с 2200 до примерно 1600

Как сообщают в "Вясне", с 2020 года не менее 23 адвокатов были [арестованы](#), 11 преследовали по уголовным статьям, некоторые из них до сих пор находятся за решеткой.

Как рассказывает правозащитник Павел Сапелко, проблемы в белорусской адвокатуре существовали уже много лет до 2020 года. Его самого лишили адвокатской лицензии в 2011 году по из-за того, что он защищал политических оппонентов Александра Лукашенко на выборах того года. Но после протестов 2020-го адвокатам стало работать почти невозможно.

"С помощью адвокатов стало совсем все плохо. По политически мотивированным делам уже очень сложно найти адвоката, который взялся бы за ведение дела, потому что это прямой путь к потере профессии, – рассказывает он. – Говорить о том, что можно получить качественную юридическую помощь, когда адвокат-защитник не свободен в своих возможностях, когда он не может свободно осуществлять профессию юриста, очень сложно".

В 2021 году власти [усилили](#) контроль над адвокатской деятельностью. Начиная от запрета делать заявления о виновности или невиновности своего подзащитного и запрета давать публичные комментарии (кроме "достоверной" информации из материалов дела) до отмены адвокатского иммунитета, упразднения адвокатских бюро и частных практик, а также усиленного контроля Минюста за деятельностью. Как подчеркивают белорусские и международные правозащитные группы, это повлияло на резкое сокращение числа адвокатов в стране.

Но даже в таких тяжелых для профессии условиях, говорит правозащитник, в стране остаются юристы, которые пытаются помочь тем, кого преследуют по политическим делам:

"Многие считают искренне, что они могут еще помочь. Они пытаются помочь, они предпринимают все возможные в тех условиях усилия для того, чтобы и сохранить себя в юридической профессии, и помочь своему подзащитному. Это, конечно, дорогого стоит в отсутствие альтернативы, но на самом деле это катастрофа".

СМОТРИТЕ ТАКЖЕ:

- "Адвокатов преследуют, чтобы люди воспринимали бесправие как норму". Интервью защитницы Тихановского и Бабарико Натальи Мацкевич
- "Я будто провожу время с политзаключенными". Зачем пенсионерка из Японии и профессор из США вышивают истории политзеков из Беларуси
- "Режим ослеплен жадой мести". Как власти Беларуси отбирают детей у женщин-политзаключенных
- "Мы были у самого начала пути". Бывшие политзаключенные Беларуси – о том, как изменилась жизнь спустя пять лет после протестов
- "Вышла, подняла флаг и стоит". Пенсионерка из Беларуси должна государству 16 тысяч долларов за акции протеста
- История белоруски Марии Зайцевой – от протестов в Минске до гибели на фронте в Украине: "Она отдала свою жизнь за нашу и вашу свободу"
- Виктор и Эдуард Бабарико: как отец решил стать президентом Беларуси, сын его поддержал – и оба оказались за решеткой
- "Вводим фамилию Знак, а система пишет: "Финансирование терроризма". Отец юриста Максима Знака – о жизни с желтой биркой политзаключенного

МАТЕРИАЛ ИЗ РАЗДЕЛОВ:

Беларусь

Лонгриды